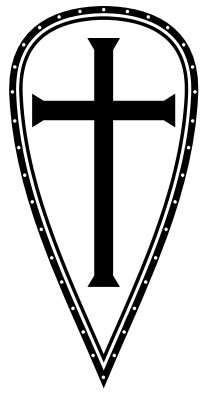


THE CRUSADER ARMIES

Steven Tibble

Стив Тиббл

АРМИИ КРЕСТОНОСЦЕВ

1099–1187

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2026

УДК 94(4)»1099/1187»:355.48
ББК 63.3(4)42
Т42

Переводчик Максим Коробов
Научный редактор Николай Сайнаков, канд. ист. наук
Редактор Юрий Колосов

Тиббл С.

Т42 Армии крестоносцев: 1099–1187 / Стив Тиббл ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 560 с. — (Серия «Страдающее Средневековье»).

ISBN 978-5-00223-493-6

Опираясь на широкий спектр мусульманских текстов и археологических свидетельств, а также на наиболее часто цитируемые западные источники, британский историк Стив Тиббл рассказывает о Крестоносных армиях XII века. Что мы знаем о численности этих армий? О том, что двигало крестоносцами? Как были оснащены их войска, как они действовали на поле боя? И почему после первых ярких успехов наступил крах движения? В книге представлена наиболее полная на данный момент картина истории двух первых Крестовых походов. Автор предлагает новый взгляд на тамплиеров, госпитальеров и другие ключевые ордена и выдвигает предположение о том, что Крестовые походы были обусловлены как религиозными конфликтами, так и проблемами оседлых и кочевых племен. Кроме того, он анализирует стратегию, развитие и культурное разнообразие армий крестоносцев и показывает, насколько сложными они были даже по сегодняшним меркам.

УДК 94(4)»1099/1187»:355.48
ББК 63.3(4)42

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-466-0 (Серия «Страдающее Средневековье»)
ISBN 978-5-00223-493-6 (рус.)
ISBN 978-0-30021-814-5 (англ.)

© Steven Tibble, 2018
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

Оглавление

Иллюстрации, карты и схемы 7

Предисловие 9

Часть I

Крестоносные войны

Глава 1

Фундаментальная социальная борьба 19

Глава 2

«Восточный фронт» средневековых войн 46

Глава 3

Асимметричность и интенсивность 85

Часть II

Армии крестоносцев

Глава 4

Народ 107

Глава 5

Воины 150

Глава 6

Франкская армия в действии 195

Глава 7

Границы, замки и осады 224

Часть III

Противники крестоносцев

Глава 8

Война с египтянами 297

Глава 9

Война с тюрками и сирийцами 352

Глава 10

Война с Саладином 405

Глава 11

Конец игры 474

Хронологическая таблица 487

Сокращенные обозначения основных источников 495

Библиография 501

Примечания 527

ИЛЛЮСТРАЦИИ, КАРТЫ И СХЕМЫ

Иллюстрации

1. Рыцарь-крестоносец
2. «Другие» крестоносцы: командиры туркополов
3. Портрет Саладина
4. Войско Саладина
5. Гробница Богородицы в Иерусалиме
6. Гробница королевы Мелисенды в крипте церкви Успения Богородицы в Иерусалиме
7. Башня Давида в Иерусалиме
8. Франкский королевский дворец на территории цитадели Давида в Иерусалиме
9. Ударное воздействие
10. Техника осады
11. Власть и устрашение
12. «Побочный ущерб»
13. Путь сверху и путь снизу: штурм и подкоп

Карты

Карта 1. Современные и средневековые границы (I): Юг
Карта 2. Современные и средневековые границы (II): Север
Карта 3. Ближний Восток в XII веке
Карта 4. Активность кочевников на Ближнем Востоке, ок. 1064–1187 гг.

Карта 5. Первые пограничные замки
Карта 6. Блокирование Аскалона
Карта 7. Эдесское графство
Карта 8. Графство Триполи
Карта 9. Египет и Иерусалимское королевство
Карта 10. Княжество Антиохия
Карта 11. Иерусалимское королевство
Карта 12. Военная кампания и битва при Хаттине

Таблицы

Таблица 1. Симметричность и интенсивность военных действий

Схемы

Схема 1. Великая Магомерия и ее окрестности
Схема 2. Битва при Яффе, 1192 г.
Схема 3. Тир
Схема 4. Бланш-Гард и Керак: сравнительные схемы в одинаковом масштабе
Схема 5. Бельвуар: зоны поражения нового замка
Схема 6. Битва при Аскалоне, 1099 г.
Схема 7. Битва при Тель-Даните, 1115 г.
Схема 8. Битва на Кровавом поле, 1119 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема Ближнего Востока не теряет актуальности, и из-за огромного количества небрежно проводимых параллелей с прошлым Крестовые походы и крестоносные войны кажутся нам простыми, как нечто давно и хорошо известное. Такие ярлыки, как «крестоносцы», «исламисты» и «джихадисты», насколько бы анахроничными они ни были, дают понятное объяснение историческим событиям и правдоподобно связывают их с сегодняшними реалиями. Они дают нам готовый шаблон, чтобы мы увидели «столкновение цивилизаций», которое, как нам постоянно говорят, разворачивается прямо на наших глазах.

Тем не менее многие наши простые предположения — а возможно, что и большинство из них, — либо неверны вовсе, либо оказываются обманчивой полуправдой, неразличимой даже для нас самих.

В этой книге Крестовые походы, и крестоносные войны в частности, рассматриваются под необычным углом, и сначала может показаться, что такие взгляды не соответствуют современным представлениям об этих событиях. Автор стремится показать следующее:

- Основной движущей силой крестоносных войн была не религия, хотя, разумеется, она стала мощным объединяющим стягом и центральным стимулом как для отдельных людей, так и для некоторых групп. Религия была важным вспомогательным фактором, но не первопричиной.
- Ключевым механизмом оказалась многовековая вражда между кочевниками и оседлыми обществами, между скотоводами и земледельцами. С нашей евроцентристской точки зрения мы склонны полагать, что происходивший в регионе конфликт был в первую очередь противостоянием «западных крестоносцев»

и «мусульман». Однако, как мы увидим в книге, задолго до прибытия на Ближний Восток крестоносцев все местные оседлые общества мусульман терпели сокрушительные поражения от кочевых захватчиков и подчинялись им еще долгое время после того, как крестоносцы ушли. То, что большинство кочевых держав были (по крайней мере, номинально) мусульманскими, в значительной мере отвлекает нас от понимания глубинной оси этой борьбы.

- Эти глубинные конфликты между кочевниками и оседлыми сообществами обусловливались двумя явлениями, которые кажутся нам очень современными, но на деле известны с глубокой древности. Это изменение климата и массовая миграция. Изменение климата, происходившее в течение столетия до первых Крестовых походов, делало жизнь в степи более трудной и подталкивало кочевые племена к выходу на плодородные земли Ближнего Востока. Вызванная этими перемещениями массовая миграция населения неизбежно повлекла за собой конфликт с местными оседлыми сообществами, поскольку и те и другие боролись за контроль над скудными ресурсами.
- Вопреки распространенным предубеждениям, армии крестоносцев очень часто состояли в основном из арабов, сирийцев и армян. Даже те воины, которых мы традиционно считаем «людьми Запада», на самом деле по большей части были колонистами смешанного происхождения. И точно так же в рядах «мусульманских» армий нередко оказывалось на удивление мало мусульман.
- Способы ведения боевых действий между этими необычайно находчивыми группами людей оказывались гораздо более изобретательными и разнообразными, чем можно было бы ожидать от воинов Средневековья. Столкновения между ними не были ни примитивными, ни статичными. Мы видим упорную вооруженную борьбу, разворачивавшуюся на протяжении XII века во всем регионе. Исход именно этой борьбы сформировал тот облик Ближнего Востока, который мы наблюдаем сегодня.

При нормальном темпе развития событий в мире научные идеи медленно усваиваются в общественном сознании. Пройдет несколько лет, а иногда и пара десятилетий, прежде чем то, что считается давно принятым в среде ученых, занимающихся специализированной областью исследований, получит признание широкой аудитории. Но в конечном счете эти знания становятся элементом более глубокого понимания предмета.

Но похоже, что с исследованиями Крестовых походов ситуация развивается иначе, даже несмотря на огромный прогресс в изучении этого вопроса. Основной причиной такого положения вещей было и остается неустанное освещение в СМИ нынешнего конфликта на Ближнем Востоке, поскольку этот фактор значительно перевешивает влияние новейших научных работ на восприятие этой темы обществом. То, что ученые считают само собой разумеющимся, до сих пор в значительной степени неизвестно широкой публике.

В этой книге предпринимается попытка по-новому взглянуть на армии крестоносцев и на общества, боевым авангардом которых они являлись. Автор опирается на последние исследования по этой теме и обращает особое внимание на ряд аспектов, в которых нынешнее эмоциональное восприятие событий сильнее всего расходится с их текущим пониманием в научной среде.

В работе над книгой я нескромно опирался на результаты выдающихся научных исследований о крестоносцах, проведенных за последние два десятилетия. В частности, я использовал работу Ронни Элленблума, посвященную изменению климата, франкской колонизации, замкам и осадам, я обращался к многочисленным книгам и статьям Джона Франса о вооруженных конфликтах в регионе, к исследованиям Малкольма Барбера о тамплиерах и к его недавно опубликованной истории государств крестоносцев XII века. Я признаю влияние проницательных идей Джонатана Филлипса, касающихся Второго крестового похода и дипломатических усилий, с помощью которых колонисты рассчитывали получить военную помощь от своих христианских соседей, работы Криса Мак-Эвитта, посвященной отношениям между местными христианами и крестоносцами, а также рассуждений Питера Франкопана об истоках Первого крестового похода. Это лишь основные авторы. Благодаря необычайному

расцвету научных исследований о крестоносцах, который произошел за последние годы, на свет появилось немало специализированных работ и статей, многие из которых указаны в библиографии[1].

Ученые, изучающие крестоносцев, составляют удивительно дружелюбное и гостеприимное сообщество. Эта книга стала значительно лучше благодаря беседам со многими из них, в том числе с Бернардом Гамильтоном, Дэнисом Принглом, Томом Эсбриджем, Эндрю Джотишки, Эндрю Баком, Фейт Гарретт, Рабеем Хамиси, Джоном Франсом, Ярославом Фолдой и моим старым другом Крисом Маршалом. Майк Фултон любезно поделился со мной своими замечательными мыслями об осадной войне и строительстве замков. Ник Хопкинсон, Боб Моррисон, Джонатан Джеймс, Чарльз Мейсфилд и Джон Кроутер — все эти люди нашли время, чтобы ознакомиться с текстом книги, и высказали очень ценные замечания. Хезер Мак-Каллум, Рэйчел Лонсдейл и Марика Лисандру из издательства Йельского университета проявили терпение и проницательность, далеко выходящие за рамки профессиональных обязанностей.

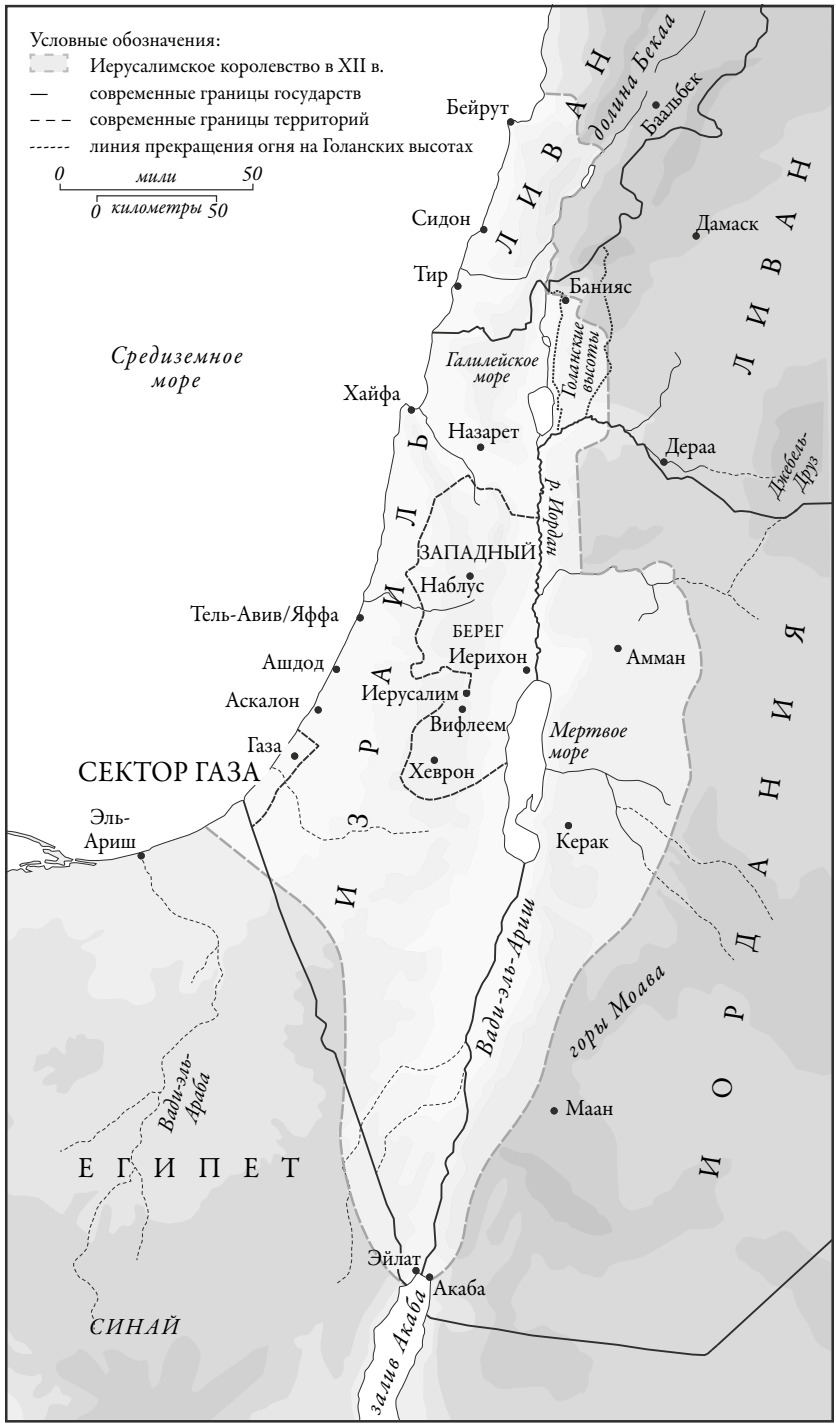
Основополагающая работа в этой области, «Крестоносные войны» (*Crusading Warfare, 1097–1193*) Р. Ч. Смейла (друзья звали его Отто), даже спустя шестьдесят лет после первой публикации по-прежнему прекрасно читается, и именно энтузиазм и великодушие Отто послужили источником первого вдохновения для моей собственной книги. Захватывающая поездка по полям средневековых сражений и замкам крестоносцев в Израиле, совершенная нами в 1980-х годах в доме на колесах Смейла, стала для меня восхитительным и очень своеобразным введением в тему.

Великолепная книга Малкольма Барбера «Государства крестоносцев» (*The Crusader States*), вышедшая в 2012 году в издательстве Йельского университета, была моим постоянным путеводителем в том, что касалось политики, хронологии и контекста событий. Малкольм, равно как и мой отец, и удивительное множество занимающихся крестоносцами профессоров, является преданным болельщиком футбольного клуба «Брентфорд» — несомненно, к этому их влечет извращенное удовольствие от ощущения безнадежности и романтика обреченного на поражение дела. Однако это еще и верный показатель прагматичного и непретенциозного подхода Малкольма к научным

и спортивным вопросам. Его обаяние, помощь и поддержку невозможно переоценить.

Джонатан Филлипс из Королевского колледжа Холлоуэй в Лондоне проявил исключительную любезность и великодушие и приветствовал мое возвращение в мир крестоносных исследований с гораздо бóльшим энтузиазмом, чем я ожидал. Он, как и Малкольм Барбер, знакомился с первыми черновиками этой книги, обращал мое внимание на некоторые вопиющие ошибки и незаметно подталкивал меня к более ясному пониманию предмета. Оставшиеся в книге неточности, разумеется, целиком на моей совести. Еще одним источником вдохновения для меня стал Ронни Элленблум. Его гиперкритический подход к рассматриваемой в этой книге теме открыл много новых направлений для исследований, а его остроумный стиль беседы всегда бросал вызов общепринятым взглядам.

Однако в самом большом долгу я перед Джонатаном Райли-Смитом, моим старым научным руководителем во время моей учебы в Кембридже, а затем и в процессе работы над докторской диссертацией в Холлоуэе. Он умер как раз в то время, когда дописывались последние главы этой книги. Джонатан Райли-Смит был другом и наставником нескольких поколений исследователей крестоносцев, он придал новый импульс изучению этого предмета. Джонатан представлял собой исключительную личность, это был человек, которого очень любили и которого многим будет не хватать. Если Царство Небесное существует, можно не сомневаться, что он будет ждать нас там с набитой трубкой, в жилете с пятнами от табака, готовый раскатисто рассмеяться.



Карта 1. Современные и средневековые границы (I): Юг

Источник: Barber 2012, с. 6; Riley-Smith 1991.

Карта 2. Современные и средневековые границы (II): Север

Источник: Barber 2012, с. 6; Riley-Smith 1991.

ЧАСТЬ I

Крестоносные войны

ГЛАВА 1

Фундаментальная социальная борьба

> Нет никакого смысла возвращаться ко вчерашнему дню — потому что вчера я была совсем другим лицом.
>
> Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

Летом 1119 года армия Антиохийского княжества, главного северного государства крестоносцев, была окружена и уничтожена превосходящими силами мусульманской конницы, которыми командовал непредсказуемый, но харизматичный предводитель Иль-Гази, тюркский правитель Мардина[1]. Потери христиан были катастрофическими, а масштаб разгрома и вызванный им шок среди франкского населения отразились в названии, которое получило это сражение впоследствии, — битва на Кровавом поле (*лат.* Ager Sanguinis). К несчастью для себя, но к большой удаче для нас, один из главных летописцев того периода, Готье Канцлер, находился в самой гуще событий. Благодаря этому он смог оставить подробный и очень волнующий рассказ о том, как разворачивалась эта баталия.

Когда войско христиан начало разваливаться, молодой предводитель крестоносцев, князь Рожер Антиохийский, собрал вокруг себя оставшихся воинов, чтобы дать последний бой у частицы Животворящего Креста, которая находилась в походной часовне в самом центре их строя. Готье стоял рядом с князем Рожером и собственными глазами видел, как тот продолжал биться, покуда это было возможно. Он и его дружина заняли оборону вокруг Креста и попытались стать точкой сбора для остальной армии. Князь Рожер, по словам хрониста, продолжал «сражаться с непоколебимой решимостью, хотя его

воины лежали повсюду мертвые и изрубленные, и он ни разу не отступил и не оглянулся назад»[2].

Облаченный в лучшие доспехи, какие только удалось найти в княжестве, и окруженный преданными соратниками, Рожер оказался не из тех, кого легко было одолеть в рукопашной схватке. Но исход битвы был предрешен. Во время ближнего боя, ставшего финалом обороны в самом центре христианского войска, он погиб от удара меча, который пришелся под носовую пластину его шлема. Князь «был сражен рыцарским мечом, перерубившим середину его носа и вонзившимся прямо в мозг... После этого удара был убит и священник, который нес в руках тот самый Крест»[3].

Даже после гибели Рожера княжеский шатер и войсковая походная часовня оставались ориентиром для небольших групп христианских воинов. Один из рыцарей собрал часть оборонявшихся перед святыней, рядом с которой лежало тело князя. Ему удалось ненадолго сдержать натиск нападавших и убить одного из мусульманских эмиров, прежде чем он пал вместе с примкнувшими к нему воинами[4].

Битва на Кровавом поле представляет собой одно из «архетипичных» сражений эпохи Крестовых походов. Описание ее изобилует кровожадными подробностями, но при этом выглядит неожиданно знакомым, и именно это ощущение заставляет нас думать, что в крестоносных войнах нет ничего непонятного. Все преподносится хрестоматийно. Рыцари в латах. Сарацинская конница с кривыми ятаганами. Замки и бедуины. И на эти яркие образы накладывается столь же красочное политическое и культурное повествование, которое неизбежно влияет на то, как мы воспринимаем происходившие в регионе войны.

Но лишь немногие обстоятельства последнего боя Рожера полностью укладываются в привычную нам картину подобных сражений. В его «крестоносной» армии было очень мало собственно крестоносцев, а возможно, не было вообще ни одного. Почти все его войско состояло из местных уроженцев — армян, христиан-сирийцев или франкских колонистов. Героический рыцарь, который после гибели Рожера возглавил последний рубеж обороны, сам был армянином — одним из тех, кого многие религиозные консерваторы на Западе сочли бы еретиком. Не менее необычным было войско, которое

одержало над ними победу. Формально оно состояло из мусульман, но с крайне смутным представлением о теологических вопросах. Это были не местные арабы или сирийцы, а кочевники из тюркских племен евразийских степей. Они имели гораздо больше общего с воинственными гуннами или монголами, чем с «сарацинами» или бедуинами, какими мы их часто представляем, и они были столь же чужды региону, как и франки, переселившиеся с Запада.

Наше представление о Крестовых походах и крестоносных войнах искажено подобным обманчивым знанием. То, что мы полагаем хорошо известным, на самом деле очень редко оказывается тем, чем кажется. Армии и сражения выглядят простыми, однообразными и жестокими лишь на первый взгляд, на самом же деле это был удивительно тонкий и сложный комплекс реакций на актуальные политические и демографические проблемы той эпохи. Ситуация была далеко не статичной, и на протяжении всего XII века мы наблюдаем разворачивание ожесточенного регионального конфликта, интенсивность которого постоянно возрастала. Все не просто гораздо сложнее (как это всегда и бывает), но и коренным образом отличается от той картины мира, к которой мы успели привыкнуть.

В определенные исторические периоды в некоторых странах мы можем видеть, что боевые действия всего лишь дополняли социальную и политическую жизнь, они выступали в роли чего-то, что можно было переложить на чужие плечи и о чем потом можно было просто забыть. Если прочитать все произведения Джейн Остин, у нас даже мысли не возникнет, что она писала в воюющем государстве, вовлеченном в конфликт, который охватил половину земного шара. Но это не относится к государствам крестоносцев или к их врагам и соседям. Успех в войне был ключевой предпосылкой выживания этих стран, а высокие боевые качества составляли основу легитимности и морального авторитета всех представителей правящих элит в них.

Многие из нас привыкли к мысли о том, что нормой жизни считается мир, изредка перемежаемый эпизодическими и, как мы надеемся, относительно короткими периодами войн, которые чаще всего не слишком сильно затрагивают нас лично. Это очень отличается от того, как воевали на Ближнем Востоке в XII веке. Шла непрекращающаяся война, лишь время от времени прерываемая случайными

и, как правило, очень хрупкими перемириями[5]. Большинство государств существовало в условиях более или менее постоянного военного положения. Экономика, дипломатия и первоочередное внимание правящих классов — все было сориентировано на военные нужды.

В академических кругах многое делалось для того, чтобы изобразить более реалистичную картину войн той эпохи, а также людей, которые оказались в них втянуты. Теперь мы гораздо лучше понимаем, откуда взялась сама идея Крестовых походов и что послужило ее катализатором. Мы располагаем более четкими представлениями о том, как происходило взаимодействие католиков-франков с другими местными христианскими конфессиями и какие отношения между ними складывались. С обнаружением новых свидетельств интенсивной программы европейской крестьянской колонизации в XII веке, особенно на территории Иерусалимского королевства, мы узнали о ранее почти неизвестном уровне заселения региона франками. Недавние исследования археологов позволяют нам радикально пересмотреть наш взгляд на сооружение замков — как с точки зрения эволюции самих замков, так и в аспекте решаемых ими стратегических задач.

Первая трудность, с которой мы сталкиваемся при рассмотрении крестоносных войн, состоит в самой попытке переосмыслить предмет нашего изучения. Были ли эти войны движимы религиозным фанатизмом (с обеих сторон), или же к ним подталкивала гораздо более приземленная динамика таких проблем, как миграция и изменение климата? Были ли крестоносцы «иноземными захватчиками»? Были ли группы людей, занявших господствующее положение в Сирии, а позднее и в Египте, тюрками из степей западной Евразии? Или, может быть, это были армяне и африканцы, состоявшие на службе египетских правителей из династии Фатимидов? На самом деле практически все основные вооруженные формирования, которые мы изучаем, в основе своей состояли из мигрантов, прибывших в регион из-за его пределов.

Имеющиеся у нас факты очень редко укладываются в простые стереотипы, которые в основном и формируют современные популярные взгляды на Крестовые походы и крестоносные войны.

Ярлыки: не все то, чем кажется

Пожалуй, в первую очередь стоит отметить, что даже те ярлыки, которые мы используем по отношению к различным группам вовлеченных в описываемые события людей, либо изначально неверны, либо могут ввести нас в заблуждение. Большую часть элитных войск во всех основных армиях составляли иноземцы, этнически чуждые населению стран, на содержании которых они находились. Будь то франкские рыцари в Палестине, тюркские конные лучники в Сирии или армянская тяжелая кавалерия в Египте — все они были мигрантами. Нам это кажется странным, но в ту эпоху подобная ситуация считалась настолько обыденной, что современные хроники об этом почти не упоминают.

Этническая принадлежность играла не такую важную роль, как можно подумать. Расовые предрассудки были распространены среди всех воюющих сторон, но чаще всего им подвергались выходцы из Черной Африки, резко выделявшиеся своими физическими особенностями. Воины-африканцы служили в армии Фатимидов, главным образом в пехотных полках, которые назывались «черными» («суданскими»). Африканская пехота была и в армии Айюбидов у Саладина. Но и в том и в другом случае они, судя по всему, использовались исключительно как «рядовая масса». Они не могли продвигаться по службе или переходить в более престижные подразделения. В армиях франков, насколько нам известно, африканских новобранцев не было, однако даже при этом европейские летописцы время от времени отпускали непристойные и расистские замечания, наблюдая африканцев среди войск противника.

Главным ярлыком, навешиваемым на человека, была его религиозная принадлежность. Различные этнические группы, присутствовавшие в армиях франков, нередко оставались практически незаметными, потому что люди из этих групп, как правило, определяли себя как христиане, а не как сирийцы, арабы, армяне и т.д. Именно поэтому, например, франкское войско лучше рассматривать как вооруженные силы государства, управляемого франками, а не как войско франков. Многие, а иногда и большинство воинов в нем были местными уроженцами, имевшими самую разную этническую и конфессиональную

принадлежность. Снисходительная неопределенность в этом вопросе отражается в том, как употребляются этнические термины.

Относительная неважность этнической принадлежности, пожалуй, лучше всего проявляется в чрезвычайно расплывчатом способе описания различных групп, в которых отсутствие интереса усугубляется невежеством. Термин «тюрк» имел вполне определенное значение и, как правило, подразумевал специфический внешний облик и стиль ведения боя, свойственные выходцам из евразийских степей[6]. Важно отметить эти особенности, поскольку их боевые навыки были уникальными и крайне эффективными, однако в остальном этнические ярлыки по большей части весьма туманны или вовсе отсутствуют.

Слово «сарацин» могло использоваться для обозначения мусульман, но, похоже, в нем было очень мало собственно этнического содержания. Термин «араб» часто, но не всегда обозначал группы кочевников-бедуинов. Также и термин «сириец» иногда употреблялся для общего названия мусульман за пределами Египта, однако в зависимости от контекста — и это сбивает с толку — он также мог использоваться по отношению к автохтонным христианам.

Различное этническое происхождение групп людей, с которыми мы сталкиваемся на страницах летописей, как правило, считалось настолько неважным, что о нем не стоило даже упоминать. Об этнической принадлежности участников событий с франкской стороны мы нередко узнаем лишь случайно: например, когда весь гарнизон замка «крестоносцев» вдруг оказывается сирийским по составу или когда отряд приближенных к князю рыцарей держит последний рубеж обороны под предводительством воина, имя которого указывает на то, что он был армянином (хотя даже в этом случае его происхождение не считается достаточно важным, чтобы сказать о нем прямо). К середине XII века многие из местных «франкских» семей, включая и саму королевскую династию, были смешанного происхождения. Но это то, с чем мы обычно не сталкиваемся непосредственно и о чем мы должны догадываться по отдельным признакам, а затем учитывать это в дальнейшем. Ключевым культурным маркером оставалась не этническая, а религиозная принадлежность[7].

Общества и воины

То, что армия — это творение общества, которое ее порождает, считается общеизвестным. Наверняка хотя бы это можно принять как данность?

Однако если мы говорим о Крестовых походах, даже эта истина едва ли окажется справедливой. Армии каждой из воюющих сторон вовсе не были олицетворениями породивших их обществ. Они состояли преимущественно из иноземцев и использовали стили и приемы ведения боя, чуждые как друг другу, так и обществам, от лица которых они выступали. К тому же обычно они сражались, защищая интересы и привилегированное положение иноземных правящих элит и социальных групп, а не местных сообществ.

Основная причина такого положения вещей заключалась в том, что Палестина, Египет и Сирия были в значительной степени демилитаризованы — по крайней мере, в том, что касалось коренных жителей. Население этих стран представляло собой главным образом оседлые общества, земледельческие общины, члены которых давно переложили военные заботы на плечи «профессионалов». На фоне начавшихся с VII века мусульманских вторжений и постепенного вывода из региона римско-византийских регулярных войск исчезновение военных структур и отсутствие боевых навыков у основной части населения привели к тому, что регион оказался беззащитным перед иноземными правителями и их армиями.

Такое положение дел сложилось во всем регионе. В армии Фатимидов числилось мало египтян, а их воины чаще всего даже не были мусульманами. В ранней айюбидской «египетской» армии Саладина собственно египтяне также присутствовали в непропорционально малом количестве. Сирию завоевали тюркские племенные вожди, и их власть держалась на наемниках степного происхождения, которых они продолжали привлекать к себе на службу. Христианские государства в Сирии и Палестине точно так же находились под властью более воинственных эмигрантов из стран за пределами региона. Это были франкские и армянские воины, обладавшие особой манерой ведения боя. Коренные сообщества Ближнего Востока в военном смысле были совершенно чистым листом: несомненно,

они поставляли в войска новобранцев на индивидуальной основе, но, как правило, их вклад ограничивался экономической деятельностью, что не требовало от них наличия боевых качеств.

Ни франкские, ни сирийско-мусульманские армии не были порождением соответствующих автохтонных обществ. Общества, которые ставили перед ними задачи и сделали их боеспособными, изначально возникли в степях Евразии или на полях Западной Европы, а не на Ближнем Востоке.

В большинстве случаев эти две армии демонстрировали противоположные тенденции. Государства крестоносцев существовали в условиях перманентного военного положения, и особенно это стало проявляться ближе к концу XII века. Политика, дипломатия, расселение колонистов, налогообложение и экономика в конечном счете переориентировались на нужды армии. Подобным же образом основанная Саладином империя Айюбидов была механизмом для накопления ресурсов и их перевода непосредственно в военную мощь, построенным ценой огромных человеческих жертв. Львиная доля всех государственных расходов шла на поддержание и наращивание вооруженных сил. Правители того времени безжалостно приспосабливали свои государства для наращивания необходимых им армий. Это были не армии, сформированные обществом, а общества, сформированные своими армиями[8].

Фундаментальная социальная борьба

Когда мы говорим о войнах XII века, важно отойти от устоявшихся стереотипов и культурного высокомерия и рассмотреть социальную динамику событий той эпохи. Если даже армии того периода не такие, какими мы их себе представляем, то вполне возможно, что ключевые движущие силы конфликта, которые до сих пор воспринимаются неверно, также отличаются от наших привычных знаний о них.

Давая определение ближневосточным конфликтам той эпохи, мы часто прибегаем к религиозным терминам. Здесь, на Западе, мы говорим о Крестовых походах и крестоносных армиях, подразумевая, что религиозные убеждения стали определяющей основой, в привязке к которой нам предстоит описывать ход боевых действий. Другие

Карта 3. Ближний Восток в XII веке

Источник: Barber 2012, с. 6.

авторы по схожим причинам приводят доводы в пользу того, что война по своей сути была «джихадом». Помимо этого, текущая политическая ситуация в мире побуждает нас к дальнейшим рассуждениям, чтобы описывать эту войну как конфликт между религиозными культурами в более широком смысле: например, как столкновение исламской цивилизации с обществами Запада, возникшее из-за огромной разницы в социальных и политических традициях.

Однако можно написать общую военную историю Крестовых походов и при этом вообще не упоминать религию. Антрополог, изучающий колебания человеческого развития, может не знать о сложной религиозной подоплеке Крестовых походов. В таком случае этот исследователь вовсе не обязательно придет к выводу, что корень конфликтов в регионе лежал в столкновении религий или даже (за исключением самой широкой трактовки) в столкновении культур. Религия была мощным сопутствующим фактором в определении форм и рамок конфликта (т.е. она играла очевидную непосредственную роль), но исчерпывающее объяснение Крестовых походов (т.е. причину более высокого уровня) следует искать в другой области. По иронии судьбы первопричинами стали самые что ни на есть животрепещущие вещи, однако речь не о том, о чем мы можем подумать в первую очередь. Ниже мы увидим, что изменение климата и масштабные миграционные кризисы оказались принципиально гораздо более важными факторами в формировании рисунка вооруженного конфликта в регионе в период Крестовых походов, чем религия[9].

Причиной коренных изменений на Ближнем Востоке стало вторжение кочевых племен. В середине XI века рыхлая конфедерация тюркских вооруженных групп под предводительством клана Сельджуков (недавно принявшего суннитский ислам) покинула свои стоянки в степях к северу от Каспийского и Аральского морей. Они двинулись на юг, где смогли захватить значительную часть территории современного Ирана и северной Сирии. К 1055 году сельджуки взяли Багдад, а их вождь принял титул султана (буквально «власть»). Густонаселенные земли византийской Анатолии, раскинувшиеся к западу от этой новой империи Сельджукидов, выглядели соблазнительной добычей. В течение 60-х годов XI века группы кочевых воинов начали прорываться во внутренние районы современной

Турции, дестабилизируя набегами местные сообщества. Византийские власти были ошеломлены их натиском и заняли оборону, пытаясь хоть как-то сдержать продвижение кочевников[10].

Обосновавшись на обширных просторах Анатолии, степные кочевники увидели, что на юге простираются и другие процветающие земли. Сирия, Палестина, а возможно, и Египет казались им заманчивыми и доступными. Уже в течение нескольких лет они небезуспешно просачивались небольшими группами на эти территории. В 1064 году Атийя, правитель Алеппо, совершил серьезную ошибку, призвав к себе на службу большое количество тюркских наемников. С их помощью он надеялся победить в династической междоусобице, угрожавшей его положению. Как нетрудно догадаться, вскоре кочевники обратились против своего нанимателя и участвовали в его свержении. Вслед за ними в регион начали прибывать и другие племена в поисках работы или наживы[11].

За частным предпринимательством неминуемо следовали «государственные» интересы империи Сельджукидов. В январе 1071 года сельджукский султан Алп-Арслан возглавил первый крупный поход, переправив войско через Евфрат с намерением пройти на юг через Сирию, а затем попасть в Египет. Мусульманские историки хорошо понимали значение этого события: по их словам, это был момент, когда закончилось «правление арабов» и началось «правление тюрков»[12].

Однако наступление на Сирию им пришлось прервать. Византийский император Роман IV Диоген собирал войска, чтобы сохранить свои земли в Анатолии и спасти разоренные общины христиан. Алп-Арслан со своей армией двинулся на север, чтобы встретиться с византийцами в бою. В августе 1071 года они сразились у Манцикерта, и войска кочевников одержали убедительную победу. Для Византийской империи эта битва стала катастрофой. Сам император был взят в плен, и за его освобождение тюрки требовали выкуп. Анатолия была захвачена, а в Никее, располагавшейся всего в нескольких милях к востоку от Константинополя, была основана местная столица тюркских племен.

Битва при Манцикерте открыла ворота для дальнейшего распространения кочевников. После разгрома византийских войск отдельные кочевые группы, формально находившиеся под властью

сельджуков, а на практике часто действовавшие сами по себе, почувствовали себя гораздо свободнее и стали продвигаться в Сирию и Палестину. К 80-м годам XI века их предводителям удалось подмять под себя большинство сирийских городов-государств и значительную часть Палестины.

Государства, создаваемые такими группами, как и следовало ожидать, не имели жесткой централизации и не опирались на бюрократию. Ими управляли отдельные кланы, которые руководствовались прагматизмом, сиюминутными обстоятельствами и личной корыстью. Отдельные предводители этих кланов на словах подчинялись Багдаду, но на деле все они яростно враждовали друг с другом, стремясь завладеть большей властью и денежными потоками. В каждом захваченном провинциальном городе тюркские вожди вместе со своими отрядами наемников устанавливали режимы, выстраивавшиеся вокруг собственной личности и опиравшиеся на сложный и постоянно менявшийся контингент преданных им людей[13].

Западные провинции империи Сельджукидов изначально представляли собой весьма рыхлую конфедерацию, но вскоре положение там стало еще более нестабильным и взрывоопасным. В течение всего нескольких месяцев, с 1092 по 1094 год, умерли все основные политические лидеры региона — от визиря* Египта на юге до султана сельджуков Мелик-шаха (сына Алп-Арслана) на севере. По всей кочевой империи вспыхнула гражданская война: брат Мелик-шаха и четыре его сына пытались выкроить для себя собственные владения. Каждый хватал то, что мог[14].

Распад системы, пытавшейся взять на себя функцию правящего центра империи Сельджукидов, дал местным оседлым державам шанс на возвращение некоторых ранее утраченных территорий. На юге шиитское государство Фатимидов в Египте вновь заняло большую часть своих прежних владений в Палестине, кульминацией чего стал захват Иерусалима в 1098 году. Севернее вновь вставшая на ноги Византия и западные «союзники», которых она призвала на помощь в рамках Первого крестового похода, также с успехом

---

* Визирь — высший титул в государствах мусульманского Востока. — *Прим. ред.*